

УДК 124.31

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Ю.Г. Поletaева

Исследуется проблема исторической целесообразности, раскрывается структура и основное содержание ее субстанциалистской концепции. В качестве первого и исходного понимания проблемы целесообразности рассматривается позиция Канта. История — результат деятельности человека, а историческая целесообразность является осуществлением человеческой свободы. В субстанциалистской модели исторической целесообразности, разрабатываемой Гегелем, история трактуется как состояние человеческого бытия, где субъективная сторона целесообразности сопряжена с ее объективным содержанием. *Ключевые слова:* история; историческая целесообразность; субстанциалистский подход; телеология; свобода; личность.

В рамках немецкой классической философии проблема исторической целесообразности представлена двумя основными подходами к ее решению. Первый из них связан с анализом проблемы целесообразности через призму телеологической (свободной) причинности. Основоположник этого подхода Кант исходил из того, что противопоставление причинного (механистического) и телеологического способов миропонимания заключено в различных способностях человека.

Телеологическое миропонимание опирается на способность желания, в которой находит свое выражение человеческое стремление к конструированию предметного мира (разум диктует природе свои законы), реализуется субъектно-личностное начало человека. «В практическом познании, т.е. таком, которое имеет дело только с основаниями определения воли, основоположения, которые мы составляем себе, потому еще не законы, что в сфере практического разум имеет дело с субъектом, а именно со способностью желания...» [6, с. 295]. При этом человек исходит из понятий свободы, «которые покоятся на законодательстве разума и а priori заключают в себе основу всех чувственно-безусловных практических предписаний» [2, с. 71].

Кант отрицает тождество мышления и бытия в сфере теоретического познания. Целесообразно действует только практический разум. Рассмотрение природы, исходя из конечных

причин, фиксирует за пределами природы сверхчувственное царство целей, сферу нравственности. По аналогии выносятся суждение об объективной целесообразности в природе. Телеологическая рефлексия является способом осмысления целесообразности в природе, подобно тому, как моральная рефлексия способствует постановке целей в сфере свободной причинности. Человек, как носитель нравственности, осуществляет свободу в природе. Деятельность человека как субъекта свободы указывает, что свобода является причиной его действий.

Согласно Э.Ю. Соловьеву, Кант трактует личность как социальный абсолюте. Личность, по его мнению, является единственной абсолютной самоцелью, которая заключает в себе условия всех относительных целей и в противоположность которой все остальные явления суть вещи, а не личности [9]. С этой точки зрения история представляет собой результат деятельности человека, его разума и воображения (свободы), подчинения долгу (морали), а историческая целесообразность является осуществлением человеческой свободы. В истории снимается дуализм природы и свободы, причинности и телеологии, но при том обязательном условии, что целью исторического процесса является человек — и как родовое существо, т.е. как индивидуальное воплощение человечества, и как обладающий автономией индивид, как личность.

Кантовская концепция исторической целесообразности заключала в себе предостережение против губительного воздействия на историю попыток противопоставить человечество (общество, социум) отдельному индивиду, сделать индивида материалом осуществления великих целей. Дело в том, что рационалистическая телеология, независимо от того, на какие основания она опирается — вечные принципы метафизики, теорию разумного эгоизма, идею всеобщего блага или волю народа, приводит к абстрактным конструкциям. Отвлеченный характер этих конструкций в ходе их практического осуществления оборачивается взрывным распространением зла в мире — жуткая ирония истории, которую открыл Кант и которую иногда истолковывают как проявление подспудного пессимизма кантовской философской антропологии и философии истории. «Основание злого, — писал Кант в “Религии в пределах только разума”, — находится не в каком-либо объекте, который определяет произвол через влечение, и не в каком-либо естественном побуждении, а только в правиле, которое произвол устанавливает себе для применения своей свободы, т.е. в некоторой максиме» [7, с. 272]. Мы позволим себе завершить подведение итогов кантовских размышлений об истории выдержкой из работы одного из крупнейших отечественных кантоведов: «Резюме кантовской философии истории могло бы, соответственно, выглядеть так: люди должны извлечь урок из своего прошлого, которое переполнено тщетными попытками достичь гармонии и совершенства. Урок не может состоять ни в отказе от идеального целеустремления, ни в учете и “исправлении ошибок” в расхожем смысле данного выражения. Дело не в дефектах человеческой рассудительности и смекалки... Дело в том, что человек не может осуществлять заданного природой целеустремления, если в горьком опыте истории не меняется сам, не претерпевает нравственных преобразований, затрагивающих его основные представления о сущем и должном. Исторические проблемы таковы, что их нельзя решить утилитарно-прагматически, не реформируя самого образа мысли, носителю которого они предъявляются» [3, с. 438–439].

Кантовское решение проблемы целесообразности в истории в силу различных причин казалось его современникам утопическим, равно как, например, и идея вечного мира. Возможно, что общая духовная атмосфера Просвещения, в которой доминировал откровенный

и принципиальный антиисторизм, отбрасывала соответствующую тень и на восприятие кантовских идей. Во всяком случае, еще при жизни Канта возникло так называемое историческое движение, начиная с работы Гердера «Идеи к философии истории человечества». Это движение видело в историзме панацею против утопизма идей Просвещения, отвлеченности трансцендентального идеализма, вообще — путь к реалистическому, скорее даже прагматическому познанию действительности. Обостренное внимание к вопросам практического воплощения идей составляет «нервный узел» времени на переломе XVIII и XIX столетий, люди которого были обескуражены теми зигзагами воплощения благих целей в истории, которые продемонстрировала французская революция с ее чудовищными оборачиваниями первоначальных лозунгов: свобода, равенство, братство. К числу прожектеров, уповавших на особую роль моральных принципов в истории, прагматики-историцисты отнесли и Канта.

Оставляя в стороне вопрос о справедливости подобной оценки кантовского подхода к пониманию истории и исторической целесообразности, в том числе, отметим, что способом осуществления историзма стал субстанциалистский подход, реализованный Гегелем. Мы обращаемся к диалектическому учению Гегеля об истории и целесообразности в истории постольку, поскольку оно (диалектическое учение) стало доктринальной основой философской традиции, складывавшейся в отечественной философии в течение целого столетия, и сохранило свое воздействие на теоретико-методологические представления об истории вплоть до последнего времени. Поэтому наш анализ гегелевской концепции целесообразности в истории имеет не историко-философское, а вполне актуальное социально-философское значение. Реконструкция гегелевской концепции позволяет выделить основные представления и принципы, образующие структуру исторической картины мира, находящейся в массовом обороте и сегодня.

Преодоление кантовского априоризма Гегель начинает с ревизии оснований его метода. Содержание понятия как системы, соединяющей в некоем отвлеченном пространстве возможного мышление и субстанцию (вещь саму по себе), интерпретируется Гегелем как объективный, независимый от сознания онтологический процесс. По Гегелю, «абсолютная субъективность» — это инобытие понятия. Для него, в

отличие от Канта, органическая цель природы тождественна имманентной цели развивающегося разума. Изложение и развитие этого гегелевского положения мы находим у Н.Н. Трубникова: «Целевая деятельность и теоретически не может быть чем-либо иным, чем действием закономерностей самой природы. И тогда причинность “по целям”, “причинность из свободы” не только не опровергает причинности “из необходимости” но предполагает ее, оказывается возможной лишь при ее непременном условии» [10, с. 32]. Снятие кантовской оппозиции природы и свободы, подчинение и того, и другого более высокому (общему) принципу ведет к исключению этического аспекта целесообразности посредством объективации целесообразности как «в-себе-понятия», фундированного развитием [5].

Этот более высокий (всеобщий) принцип, снимающий в себе оппозицию природы и свободы, есть логическое, онтологически представленное в виде субъект-субстанции, т.е. субстанции, получившей способность (в отличие от Спинозовской «*causa sui*») к самоизменению и саморазвитию. В контексте так понятого логического истолковывается понятие целесообразности. Теперь оно предопределяет жизнедеятельность, ее самосохранение и самовоспроизведение, в результате чего живое является тем, что «себя сохраняет» и «в себя возвращается». Сущность «немеханических» отношений (в том числе этики и морали) может быть раскрыта лишь через объективацию целесообразности. В соответствии с этим история понимается как диалектическое развитие человечества, осуществляемое посредством целесообразной деятельности. Данный тезис широко представлен в работах советских марксистов 60–80-х гг. XX в. (Э.В. Ильенков, Н.Н. Трубников, Н.В. Мотрошилова, Т.И. Ойзерман, И.С. Нарский, М.Ф. Овсянников и др.).

Действительным носителем (конструктором) истории у Гегеля оказывается логико-генетический принцип, лежащий в основе диалектического перехода от механического к химическому и далее к телеологическому. Этот переход образует имманентное содержание абсолютной идеи и структурный план (матрицу) развертывания исторического процесса как целого. В гегелевской концепции телеологическое фиксируется в той мере, в какой целесообразность трансформируется в схему мышления, реализуемого в процессе деятельности человека в окружающей действительности — в истории

[1]. Диалектическую функцию среднего термина между целью как субъективным образом и предметом, который (средний термин) является не просто соединением между крайними терминами, но выражает необходимую связь всеобщего (абсолютной идеи) с единичным (деятельность человека), выполняет категория «средство» — логический коррелят техники. В данном отношении техника («средство») выполняет задачу сочленения субъективного и объективного элементов, играет роль опосредствующего звена между субъективной и «выполненной» целью. Гегель утверждает, что весь этот средний член, стало быть, сам есть целокупность умозаключения, в которой абстрактная деятельность и внешнее средство составляют крайние члены, а определенность объекта целью, в силу которой он средство, — их средний член. Всеобщность есть соотношение целенаправленной деятельности и средства. Средство есть объект, есть в себе целокупность понятия; оно не в силах сопротивляться цели, в отличие от того, как оно сопротивляется любому другому непосредственному объекту. При этом средство всецело пронизуемо для цели (которая есть положенное понятие) и восприимчиво к тому, что ему здесь передается, так как в себе оно тождественно с целью [2, с. 198–199].

Средство деятельности (техника), будучи предметом внешнего мира, оказывается «мостом», по которому всеобщее в форме цели перемещается из сферы мышления в сферу природы. Такое перевоплощение идеального в предметное всегда частично и неполно, что фиксируется термином «отчуждение» с присутствующими ему негативными коннотациями, но вместе с тем целесообразность, став объективным планом человеческой деятельности, проявляется на стороне человека как свобода — важнейший признак истории как пространства и времени осуществления понятия, в котором цель (человеческая субъективность) достигает всеобщности. Гегель подчеркивает эту особую функцию техники (средства) в придании бытию человека (общества) исторического характера следующим положением: «...таким образом, механическая или химическая техника, будучи по своему характеру определенной извне, сама собой предлагает себя отношению цели» [2, с. 192]. Иными словами, решение проблемы исторической целесообразности непосредственно связано с вопросом о роли техники в осуществлении человеческой деятельности.

В данном контексте представляют интерес размышления Н.Н. Трубникова об общей структуре логического и реального целеполагания. Несмотря на то что Гегель не отчленяет логическое определение (суждения или деятельности) от их реального определения, телеологическое отношение (связь цели, средства и «выполненной цели») представляет собой «заключение действия», т.е. не формальное, а содержательное заключение. Согласно Трубникову, телеологическое отношение принципиально регулятивно. Оно не предопределяет предметного содержания результата, но только обуславливает выявление вовне той объективности, которая заключена в объекте деятельности или рефлексии (суждения). Во-первых, категория «средство» является опосредованным единством «абстрактного средства» как способности служить цели и объективного содержания (его предметной формы). Во-вторых, характерный логический регресс взаимопредельения средства и цели, по Гегелю, оказывается логически всеобщим аналогом реального процесса их определения, логически всеобщим аналогом исторического развития [10].

В качестве промежуточного итога мы приходим к следующим выводам. Во-первых, исследуя акт целеполагания, содержащего «умозаключение» от субъективной цели к «выполненной цели» (результату деятельности), Гегель показал, что цель находит свое полное определение не в голове субъекта, а через многократное соотнесение со средством, каковое (соотнесение) и представляет собой поступательно развертывающуюся и циклически воспроизводящуюся деятельность по достижению намеченного результата. Средство (техника) определяет способ, каким происходит «снятие» противоположности между идеальным характером цели и реальностью бытия и соединение идеального и реального в новом содержании, преодоление противоречия и разрыва между ними. Этим способом является становление, и оно (становление) является онтологическим «корнем» человеческой свободы. Во-вторых, решение вопроса о месте и роли морали в объективации целесообразности, по Гегелю, предпринято предыдущим тезисом. Возникновение нравственности совпадает с генезисом общества. В процессе совокупной человеческой деятельности с помощью средств (промышленной и социальной техники) мораль получает объективную, действительную всеобщность и необходимость, социально-практическое осуществ-

ление. Вследствие этого понятие нравственности выражает единство субъективной воли и деятельности, сознания и действительности. Специфика нравственности, по Гегелю, заключается в ее тождественности праву, корпоративным и организационным нормам [4]. Мораль тем самым устанавливает ряд принципов, следование которым поддерживает социально-психологическую атмосферу взаимного доверия, открытости и признанности, необходимую для достижения коллективных и индивидуальных целей.

По сути, история рассматривается как состояние человеческого бытия, в рамках которого сопрягается субъективная сторона целесообразности с ее объективно-закономерным содержанием. Это сопряжение субъективного и объективного в целесообразной деятельности, «снятие» их внеположенности и качественного различия, во-первых, представляет элементарную, массовидную форму истории, во-вторых, является процессом, осуществляющимся во времени, а в-третьих, развертывается по следующим ступеням: а) отношение необходимости, б) объективность, в) снятие различия между циклическим и линейным в историческом процессе посредством категории «средство».

Ведущая характеристика исторического процесса, по Гегелю, — единство исторического процесса и многообразия его форм, обусловленное доминированием логического. На первой ступени логическое проявляется как отношение необходимости. Взятая как отношение, необходимость выступает не в виде явления природы, внеположенного человеку (сознанию), а как ступень становления целесообразности, т.е. нечто, непосредственно связанное со знанием, открытое в сторону человека, познания и деятельности. Связанная со знанием, открытая в сторону познания и деятельности необходимость содержит в себе свою противоположность — свободу. Вот как рассматривает Гегель этот вопрос в «Науке логики»: телеологическое отношение выступает как самоопределяющееся. Это отношение должно быть понято с учетом понятия необходимости. Необходимость приобретает диалектически подвижный характер, когда «свобода должна стать необходимостью, необходимость — свободой» [1, с. 32]. Согласно В.Ф. Асмусу, «у Гегеля идея их сосуществования переходит в идею генезиса. Свобода становится в развитии мира. Мир есть история духа, и в этой истории свободе предстоит одержать победу над необходимостью».

стью. Свобода и необходимость — не стороны действительности, но скорее ступени ее развития». Другими словами, «полярность противоположности свободы и необходимости снимается» [1, с. 32].

Здесь перед нами иная конструкция целесообразности, по сравнению с кантовской. У Канта дуализм мира природы и мира свободы преодолевается в особом онтологическом «месте» — это человек, наделенный автономией и свободно осуществляющий свою цель. Его свобода и его деятельность — не видимость и не игра, а главный фактор истории. История, ее конкретный ход, ее результаты на том или ином отрезке времени не есть что-то предрешенное, ей не предшествует заранее заданная канва, которой люди по мере своих сил и способностей пытаются следовать. Историческая целесообразность есть совместный продукт человеческой разумности и нравственно обусловленной способности к практическому воплощению целей. Человек, обладая реальной свободой выбора, несет моральную ответственность за содержание своих целей и за результаты своей деятельности. В этом смысле моральность человека становится важным аспектом исторического процесса наряду с его объективными (природными и социальными) условиями. «Целеполагание заслуживает своего названия лишь в том случае, если оно автономно, автономным же оно может считаться только тогда, когда базируется на основных определениях должностования (безусловных запретах, нормах, ценностях). Целеполагание — это должное, обращенной на сущее и в нем ищущее своей реализации» [8, с. 108]. У Гегеля ход истории предрешен, поскольку идея представляет ее внутренний план, а люди по большому счету являются марионетками, за спиной которых на

сцене истории действует мировой дух. Человек же, отягощенный природностью, остается в плену многочисленных случайностей, зависит от их игры, обречен на неудачу и оказывается носителем онтологической вины. Осознание этой вины, по Гегелю, дает человеку свободу, содержание которой — вера, что он не претерпевает несправедливости, что он сам кузнец своего несчастья. И тогда историческая целесообразность представляет собой процесс (и результат) осуществления внутреннего плана — идеи. В этом процессе человеку отведена роль наряду с действием условий (природных и социальных) и соответствующих средств (техники).

Список литературы

1. *Асмус А.Ф.* Диалектика необходимости и свободы в философии Гегеля // *Философские науки.* 1970. № 5.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. М.: Мысль, 1972. Т.3.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
4. *Дробницкий О.Г.* «Мораль» и «нравственность» как формы общественной воли у Гегеля // *Дробницкий О.Г.* Моральная философия. М.: Гардарики, 2002.
5. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984.
6. *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Лекции по этике. М.: Республика, 2000. С.283–403.
7. *Кант И.* Религия в пределах только разума. СПб.: Ювента, 1996.
8. *Кант И.* Трактаты и письма. М.: Мысль, 1980.
9. *Соловьев Э.Ю.* И. Кант: взаимодействие морали и права. М.: Наука, 1992.
10. *Трубников Н.Н.* О категориях «цель», «средство», «результат». М.: Высшая школа, 1967.

THE PROBLEM OF HISTORICAL ADVISABILITY IN THE GERMAN CLASSICAL PHILOSOPHY

Julia G. Poletaeva

Ural State Academy of Agricultural; 42, Karl Libknecht str., Ekaterinburg, 620075, Russia

Expands the problem of historical advisability. Expands the structure and content of the substance. Kant investigating the problem of historical advisability across teleology. History — result of a activities of the human mind, historical advisability is carrying out freedom. In the substance model of historical advisability, history expands as the existence. The substance model of historical advisability researching of Hegel. Subjective point of advisability attending with him objective content.

Key words: history; historical advisability; substancial method; teleology; freedom.